

На правах рукописи

ЕВСТАФЬЕВА Анна Владимировна

**«ЯЗЫК ВРАЖДЫ» В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ФАКТОРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Тамбов 2009

Работа выполнена в Тольяттинском государственном университете

**Научный
руководитель:** доктор филологических наук, доцент
Венгранович Марина Александровна

**Официальные
оппоненты:** доктор филологических наук, профессор
Горбаневский Михаил Викторович

Ведущая организация: Орловский государственный
университет

Защита состоится «_____» _____ 200__ г. в «_____» часов на заседании диссертационного совета Д212.261.03 в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина по адресу: Россия, 392000, г. Тамбов, улица Советская, 93, Институт филологии ТГУ имени Г.Р. Державина (аудитория 107).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (ул. Советская, 6).

Автореферат разослан «_____» _____ 200__ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических
наук, профессор

Пискунова С.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена исследованию лингвистических и экстралингвистических факторов, оказывающих влияние на функционирование «языка вражды» в современных средствах массовой информации (в период с 1990-х гг. по настоящее время).

Исследователи языка современных СМИ в качестве возрастающей тенденции фиксируют рост негативных высказываний, обусловленных целым комплексом как экстралингвистических, так и собственно лингвистических факторов.

Тексты с признаками «языка вражды» появились еще в XIX веке, что было связано с возникновением первых инструментов трансляции информации для массового слушателя или зрителя (печатных изданий, радио). Однако попытки определения исследуемого явления как понятия и изучение его специфических черт были отмечены сравнительно недавно. Данное обстоятельство объясняется, в частности, особым характером ситуации в современных СМИ, предопределившим специфику функционирования «языка вражды» в отмеченный период.

Появление законодательных актов, ограничивающих словотворчество, не могло не привести к тенденции вуализации «языка вражды». Данная ситуация усугубляется и другими обстоятельствами: использованием в современных СМИ для продуцирования речевых (дискурсивных) единиц последних достижений науки (разных способов речевой манипуляции, связанных с оказанием на адресата планируемого воздействия; технических возможностей, позволяющих оформить текст в нужном ключе, и др.), формированием сложных инструментов трансляции текстов (сеть Интернет, видеореклама на щитах в торговых центрах и др.), а также манипулированием негативными стереотипами в бессознательном людей, которые составляют психолого-культурологическую основу функционирования языка в средствах массовой информации. Учет данных

экстралингвистических факторов необходим для проведения максимально объективного лингвистического анализа «языка вражды» в исследуемой сфере.

В России изучением текстов с признаками «языка вражды» занимались, прежде всего, социологи и этнологи информационно-исследовательского центра «Панорама» (Верховский, 1996а, 1996б, 2002; Казаков, 2002, 2003; Дзялошинский, 2002; Кроз, 2005), социологи Европейского университета в Санкт-Петербурге (Дубровский, 2003) и этнологи факультета журналистики МГУ (Севортьян, 2005; Джибладзе, 2005). Попытки определить психологические предпосылки негативных высказываний предпринимались психологами и конфликтологами (Бардиер, 2005; Дмитриев, 2002; Allport, 1954), а также исследователями в области медицины и нейролингвистики, что позволило выявить возможности воздействия слова в рамках нейролингвистического программирования (Горин, 1985) и когнитивной психотерапии (Тхостов; Psyhiatry.ru, 1997). Кроме того, проблемы, связанные с воздействием негативного слова в СМИ, рассматривались специалистами в области прагмалингвистики, исследующими манипуляцию, словесную агрессию (Быкова, 2000; Дацюк, 1999; Копнина, 2007; Поварнин, 1993; Сквородников, 2000; Чернявская, 2006; Щербинина, 2004, 2006) и специфику коммуникации в СМИ (Желтухина, 2003; Муравьева, 2002; Сметанина, 2002). Следует отметить также исследования в области лингвокультурологии (Маслова, 2004; Шейгал, 2002, 2004) и социолнгвистики (Карасик, 2002), затрагивающие отдельные аспекты экстралингвистической обусловленности функционирования «языка вражды».

Однако наибольшее внимание исследуемому явлению в России уделялось специалистами в области права, что объясняется спецификой правового положения «языка вражды» и взаимосвязью с проблемой разграничения утверждения о факте и мнения (Галяшина, 2006; Китайчик, 2005; Резник, 2006; Эрделевский, 1998). Данная ситуация характерна и для

изучения феномена «hate speech» в США, рассматривающегося, как правило, в работах по юриспруденции (Walker, 1994). Особый правовой статус «языка вражды» не мог не отразиться и на исследовании этических предпосылок его функционирования, обуславливающих создание этических кодексов. Научная литература, освещающая данный аспект исследуемого явления, представлена в основном трудами американских ученых (Shiell, 1998).

В настоящее время имеются и отдельные языковедческие работы, рассматривающие частные аспекты «языка вражды»: в области теории речевых жанров и актов (Маслова, 2007; Янко, 2001), межкультурной коммуникации (Тер-Минасова, 2004; Анисимова, 2003), экспрессивной стилистики (Грищенко, 2007), в области жанров «языка вражды» и методики его анализа (Горбаневский, 2003; Гусаренко, 2000). Кроме того, можно отметить отдельные работы по речевой агрессии (Власова, 2005; Воронцова, 2006а; Щербинина, 2004, 2006), лингвистической интерпретации оскорбления (Жельвис, 1992; Кусов, 2004), речевой манипуляции (Копнина, 2007; Чернявская, 2006; Черепанова, 1996), специфике дискурса прессы (Муравьева, 2000а, 2000б; Гречихин, 2008; Линнас, 2006; Колосов, 2004), речевой конфликтологии (Матвеева, 2004; Ряпосова, 2002б). Однако специальные исследования, комплексно анализирующие особенности функционирования «языка вражды» в современный период с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов в их обусловленности, отсутствуют.

В связи с этим **актуальность** данного исследования обусловлена недостаточной разработанностью в языкознании вопроса о лингвистических и детерминирующих их экстралингвистических факторах, в комплексе предопределяющих функционирование «языка вражды» в современных российских СМИ и формирующих базу для объективного анализа исследуемого феномена.

Объектом изучения в данном исследовании является «язык вражды» в современных российских СМИ.

Предмет исследования – лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования «языка вражды» в современных российских СМИ.

Цель исследования – выявить комплекс лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих специфику функционирования «языка вражды» в современных средствах массовой информации.

Для достижения указанной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- охарактеризовать понятие «язык вражды» и определить его обязательные компоненты;

- выявить и охарактеризовать комплекс экстралингвистических факторов, детерминирующих особенности функционирования «языка вражды» в современных российских СМИ;

- определить и описать лингвистические факторы, составляющие основу полипарадигмального исследования функционирования «языка вражды» в современных российских СМИ;

- показать влияние экстралингвистических факторов на собственно лингвистические факторы при определении специфики функционирования анализируемого языкового феномена.

Цель и задачи настоящей работы определили выбор **методологической основы** данного исследования – полипарадигмального подхода, синтезирующего в своей основе теоретические положения прагмалингвистики, когнитивной и структурно-семантической лингвистики, структурной и функциональной стилистики, ориентирующих на единство лингвистической и экстралингвистической сторон речи. Кроме того, в диссертации используются методы эмпирического исследования (наблюдение над языковым материалом, сравнение, сплошная выборка), позволившие собрать необходимый иллюстративный материал, и методы

теоретического исследования (типологический, используемый при создании классификаций и выведении положений).

Выдвигаемая в диссертации **гипотеза** заключается в следующем: специфика природы «языка вражды», сочетающего в своей структуре эксплицитные и имплицитные признаки, требует полипарадигмального исследования его лингвистической сущности, синтезирующего прагмалингвистический, лингвокогнитивный, структурно-семантический и стилистический подходы с учетом экстралингвистической обусловленности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Понятие «язык вражды» при всем разнообразии его дефиниций имеет два обязательных компонента: негативное значение выражения и обязательную адресацию.

2. Экстралингвистическая база «языка вражды» в современных средствах массовой информации представлена комплексом социально-политических, психолого-культурологических, коммуникативных, правовых и этических факторов, имеющих в своем составе непостоянные и меняющиеся со временем компоненты, которые определяют специфику функционирования исследуемого явления в какой-либо сфере и влияют на его лингвистическую составляющую.

3. Лингвистические факторы функционирования «языка вражды» в средствах массовой информации выявляются на базе сведений из прагмалингвистики, когнитивной и структурной лингвистики, а также стилистики на стыке с юридической лингвистикой, юриспруденцией, психологией и когнитивной психотерапией, определяемых спецификой природы исследуемого феномена (возможностью адресанта намеренно или ненамеренно создавать высказывания, оказывать персуазивное и/или суггестивное воздействие на человека, искажать и вуалировать информацию, использовать слова и выражения литературного и нелитературного языков, манипулировать стилистическими средствами, создавая когнитивные ошибки при восприятии адресатом «языка вражды», которые часто являются

препятствием к разграничению высказываний как утверждений о факте, оценочных мнений с фактической ссылкой и собственно оценочных мнений).

4. Лингвистические и экстралингвистические факторы, комплексно определяющие специфику функционирования «языка вражды» в СМИ, оказывают влияние на его генезис в современный период, предопределяя нарастающую тенденцию к предпочтению в использовании завуалированных форм исследуемого феномена при игнорировании открытых форм как наиболее экспрессивно сильных.

5. Объективный анализ «языка вражды» в СМИ требует полипарадигмального подхода с учетом прагмалингвистических, лингвокогнитивных, структурно-семантических и лингвостилистических факторов в их экстралингвистической обусловленности, что подтверждает гипотезу, выдвинутую в данном исследовании.

Научная новизна диссертационного сочинения заключается в комплексном исследовании лингвистических основ функционирования «языка вражды» в современных средствах массовой информации в соотношении с экстралингвистическими основами.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она позволяет внести определенный вклад в изучение лингвистических и экстралингвистических факторов негативных высказываний, демонстрируя возможность их исследования на стыке нескольких научных дисциплин (лингвистики, конфликтологии, лингвокультурологии, социологии, этнологии, психологии, когнитивной психотерапии, юриспруденции и др.), что в настоящее время является востребованным при проведении мониторинга, лингвистической экспертизы и других видов исследований.

Специфика лингвистической природы «языка вражды» в современных СМИ в рамках данного исследования анализируется во взаимообусловленности составляющих его аспектов (прагма- и когнитивно-лингвистического, структурно-семантического и стилистического) с

апеллированием к сведениям из смежных наук: юриспруденции, юридической лингвистики, психологии и когнитивной психотерапии.

Теоретической основой исследования послужили базовые положения юридической лингвистики (А.Н. Баранов, М.В. Горбаневский, К.И. Скловский, А.М. Эрделевский), прагмалингвистики (теории речевых актов и речевых жанров) (М.М. Бахтин, З. Ведлер, А.Ю. Маслова, Дж. Остин, Т.Е. Янко), стилистики СМИ (Л.Р. Дускаева, М.Н. Кожина, М.П. Котюрова, В.Г. Костомаров, Г.Я. Солганик), методологии лингвистического анализа (Н.Д. Арутюнова, Е.И. Галяшина, М.В. Горбаневский, С.В. Гусаренко, В.Е. Чернявская), теории коммуникации в СМИ (С.А. Дацюк, О.Н. Быкова, Г.А. Копнина, Н.В. Муравьева, С.И. Поварнин, В.Е. Чернявская, Ю.В. Щербинина), нейролингвистического программирования (С.А. Горин), когнитивной психотерапии (А.Ш. Тхостов).

Практическая значимость проведенного исследования заключается в возможности применения его результатов в практике анализа «языка вражды» вне зависимости от дискриминационных признаков (при проведении мониторинга, лингвистической экспертизы и других видов исследований). Результаты работы могут быть использованы в преподавании спецкурсов и спецсеминаров филологического, журналистского и юридического профилей, связанных с речевой конфликтологией, лингвистической безопасностью СМИ, экологией слова и этикой СМИ. Материалы исследования могут быть применены в практической работе журналистов, ораторов, спичрайтеров, а также в деятельности организаций, чьи проекты имеют антидискриминационный характер (нейминг, составление лозунгов и других видов текстов СМИ).

Апробация работы. Результаты проведенного исследования были обсуждены на международной научной конференции «Татищеские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (г. Тольятти, 21-24 апреля 2004 г.), на международной научно-практической конференции «Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры» (лингвистический и

лингвометодический аспекты) (г. Москва, 17-19 марта 2006 г.), на II международной конференции «Текст: теория и методика в контексте вузовского образования» (г. Тольятти, 1-3 ноября 2006 г.), международной научно-практической конференции «Прагмалингвистика и практика речевого общения» (г. Ростов-на-Дону, 24 ноября 2007 г.), на X юбилейной Международной научно-практической конференции Ахановские чтения под эгидой МАПРЯЛ «Язык и идентичность» (г. Алматы, 17-18 мая 2007 г.), на Международной научной конференции «Русский язык и литература в Украине: проблемы изучения и преподавания» (г. Горловка, 21-23 мая 2009 г.), на региональной конференции «Научные чтения студентов и аспирантов» (г. Тольятти, 2005 г.), а также на семинаре «Бездомность и “язык вражды”» в рамках проекта «Укрепление гражданского общества, улучшение правового положения и доступа к базовым социальным услугам для бездомных и других социально исключенных людей в России», реализуемого сетью «Правовая помощь» (г. Санкт-Петербург, 2006 г.).

Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены в трех публикациях в журналах, рекомендуемых ВАК РФ.

Фактическим материалом для исследования послужили тексты восьми листовок, 12 периодических и пяти непериодических печатных изданий (федеральных: «Коммерсантъ» и др., региональных: «Действительно в Тольятти», «Тольяттинское обозрение» и др.), трех сайтов, представляющих собой электронные газеты, пяти сайтов, представляющих собой электронные версии печатных периодических газет, шести сайтов, транслирующих новости, семи сайтов информационно-аналитического характера, двух официальных сайтов партий, шести сайтов, попадающих под определение экстремистских, и 17 сайтов других видов (личных (персональных), многофункциональных (порталы) и др.), опубликованные в период с 1990-х гг. по настоящее время, а также отдельные выражения из словарей нормативной и ненормативной лексики последних лет.

Большая часть из рассмотренных единиц характерна для письменной речи. В выборку попали также отдельные выражения из устной речи, цитируемые по письменным источникам.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, примечаний, списка сокращений, списка использованной литературы и четырех приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертации, формулируются цель и задачи исследования, дается общая характеристика работы.

В **первой главе** – **«Экстралингвистические факторы функционирования «языка вражды» в современных российских СМИ»** – дается определение понятия «язык вражды», а также анализируются социально-политические, психолого-культурологические, коммуникативные, правовые и этические основы функционирования «языка вражды» в СМИ.

«Язык вражды» как феномен современной коммуникации является объектом изучения в различных гуманитарных областях человеческого знания, что определяет возможность его исследования на стыке юриспруденции, лингвистики, психологии, социологии, конфликтологии, этнологии, культурологии, философии и других дисциплин. Термин «hate speech», использующийся в научно-исследовательской практике, имеет четыре варианта перевода: «язык вражды», «язык ненависти», «речь вражды», «речь ненависти». Наибольшую популярность в научной литературе получил первый вариант перевода. Несмотря на множество терминов, используемых в науке для обозначения негативных высказываний («словесный экстремизм», «речевая (языковая) агрессия», «речевая демагогия», «речевой (языковой) конфликт», «речевой насилие», «речевая (языковая) манипуляция»), ни один из них не является адекватным синонимом термина «язык вражды», так как обозначает либо явление,

являющееся его частным случаем, либо понятие, более широкое по объему.

Разнообразие существующих точек зрения на сущность «языка вражды» свидетельствует о нестабильности объема данного понятия и его недостаточной разработанности для использования при анализе русскоязычных текстов современных российских средств массовой информации.

Анализ предложенных исследователями трактовок понятия «язык вражды» позволяет говорить о двух обязательных компонентах его содержания: негативном значении выражения и его обязательной адресации. При этом следует иметь в виду, что признаки, по которым осуществляется словесная дискриминация, способствующая разжиганию ненависти, не являются обязательными компонентами исследуемого понятия, так как имеют непостоянный характер. К ним относятся расовая, половая, возрастная, этническая принадлежность, недееспособность (инвалидность), религиозная приверженность, сексуальная ориентация, идентификация себя как человека определенного биологического пола, владение языком, нравственные и политические взгляды, социально-экономический класс, род деятельности, внешность. В текстах СМИ нередко можно встретить сочетание нескольких дискриминационных признаков.

Специфика функционирования «языка вражды» в современных СМИ обусловлена целым рядом экстралингвистических факторов: социально-политических, психолого-культурологических, коммуникативных, правовых и этических.

Анализ социально-политических и психолого-культурологических основ «языка вражды», влияющих на его функционирование в современных СМИ, свидетельствует об изменении исторической парадигмы, что отразилось не только на содержании высказываний с «языком вражды», но и на темах материалов в СМИ и публичных выступлений.

Социально-политические предпосылки функционирования «языка вражды» в отмеченный период сформировали два вектора его адресации

(негативные высказывания в отношении человека или группы людей, упоминание которых в СМИ происходит с учетом их социального положения, известности, уровня доходов либо национальности). Наличие в СМИ других объектов адресации исследуемого явления (человека или группы людей, словесно дискриминируемых по признаку расовой, половой и возрастной принадлежности, недееспособности (инвалидности), религиозной приверженности, сексуальной ориентации, идентификации себя как человека определенного биологического пола, владения языком, наличия нравственных и политических взглядов, рода деятельности, внешности) объясняется психолого-культурологическими предпосылками функционирования «языка вражды» в данной сфере (формированием и поддержанием средствами массовой информации негативных стереотипов и отсутствием традиции осуждения «языка вражды» в современном обществе в целом).

Исследование коммуникативных основ функционирования «языка вражды» позволяет говорить о наличии следующих компонентов коммуникации: *массового адресанта* (в редких случаях он выступает как единичный), а также *массового* и *единичного адресатов* «языка вражды». Следует отметить, что адресат может быть представлен в двух ипостасях: как реальный (персонаж текста) и как формальный (читатель/слушатель).

Продуцирование адресантом «языка вражды», как правило, ограничено семью основными видами речевых формул исследуемого феномена («Мы враждуем с вами», «Мы враждуем с X», «Мы враждуем с ними», «Мы враждуем с тобой», «Мы враждуем с ним», «Я вражду с ним», «Я вражду с ними») и множеством сложных вариаций (типа «Я вражду и с ним, и с другим, и с...», «Мы враждуем с вами и с ними» и т.п.), актуальных в СМИ в указанный период. Так, в следующем контексте листовки реализуется речевая формула «языка вражды» «Мы враждуем с ними»: *«Вместе мы очистим Россию от черной саранчи с Кавказа и Средней Азии»*.

Вектор адресации «языка вражды» может быть направлен не только на самого реального адресата, но и на его деятельность и её продукты (например, «...*проводимый командой президента курс криминально-демократических реформ*»). Вне контекста выражение *команда президента* не имеет негативной оценки, однако в данной фразе приобретает её в дистрибуции слов с такой оценкой (*курс криминально-демократических реформ*). Таким образом, автор инкриминирует реальному адресату «языка вражды» (*команде президента*) проведение данного политического курса.

Реакция формального и реального адресатов на «язык вражды» в СМИ во многом зависит от собственно лингвистической формы высказывания, а не от вида адресации (прямой или косвенной). Например, при сравнении речевых формул с одинаковыми негативными номинациями вид адресации не оказывает существенного влияния на характер высказывания: речевая формула с прямой адресацией «Мы враждуем с тобой», реализующаяся во фразе *Ты – X*, оказывается равнозначной речевой формуле с косвенной адресацией «Мы враждуем с ним», реализующейся во фразе *Он – X*.

Объективный анализ лингвистической составляющей «языка вражды» невозможен также без учета четырех групп коммуникативных факторов, влияющих на эффект после его обнародования. К первой группе относятся факторы, *характеризующие адресанта «языка вражды»*, связанные с его социальной ролью, репутацией, имиджем, речевым мастерством, а также выбором им презентационной или манипуляционной коммуникативной стратегии, отражающей общую цель создания высказывания: манипуляцию читателем или слушателем либо презентацию ему информации. Вторая группа – это факторы, *касающиеся доброго имени реального адресата*, связанные с выбором адресантом признаков для осуществления словесной дискриминации и нанесения ущерба реальному адресату. Третью группу составляют факторы, *влияющие на восприятие текста формальным адресатом*, которые имеют отношение к его картине мира и подготовленности к восприятию информации, определяющей возможность

обнаружения и анализа негативного выражения. К четвертой группе относятся факторы, которые касаются *условий коммуникации* (времени, места обнародования высказывания, способа презентации информации и другие характеристики) и *самого текста* (формы речи, жанра текста). Следует отметить, что все названные факторы связаны с психолого-культурологическими и социально-политическими основами функционирования «языка вражды» в СМИ, чем объясняется их различное по силе влияние на лингвистическую составляющую текста.

Правовые основы функционирования «языка вражды» в СМИ обусловлены сменой исторической парадигмы, повлекшей за собой создание в России новой законодательной базы, регулирующей словотворчество. Присущее международному законодательству и до сих пор не снятое противоречие между свободой выражения мнения и запретом на негативные высказывания характерно и для отечественного законодательства, что, к сожалению, не способствует уменьшению словесной дискриминации в СМИ. Тексты действующего законодательства определяют статус «языка вражды» в СМИ как нелегальный, однако не содержат конкретных признаков, позволяющих объективно квалифицировать то или иное негативное высказывание в рамках данного понятия.

Однако правовые основы функционирования «языка вражды» в СМИ касаются не только отмеченного выше противоречия, но и вопроса о дифференциации высказываний с признаками исследуемого явления. В настоящее время в юридической практике принято различать следующие виды высказываний: 1) утверждения о факте, которые могут быть защищены или опровергнуты; 2) оценочные мнения с фактической ссылкой, которые могут быть защищены или опровергнуты (в случае, если их содержание соответствует действительности, опровержению может подлежать оскорбительная форма и/или форма, содержащая дискриминационные признаки); 3) собственно оценочные мнения, содержание которых не может быть предметом судебного разбирательства, однако опровержению может

подлежать их оскорбительная форма и/или форма, содержащая дискриминационные признаки. Так, «язык вражды», представленный в виде утверждения о факте, присутствует в следующем контексте: *«Премьер-министр Израиля, Ариэль Шэрон, является одним из самых запачканных кровью террористов в мире»*. Иллюстрацией оценочного мнения с фактической ссылкой может служить другой контекст: *«...на тех, кто арестовал и осудил его [Леонида Невзлина] подельников: Ходорковского и Лебедева»* (фактическая ссылка присутствует при упоминании ареста коллег Л. Невзлина и суда над ними; оценочное мнение, выражается в номинации *пodelьник*, которая имеет неприличную форму, так как служит номинированию персонажей как представителей криминального мира, что позволяет считать форму данного слова оскорбительной). Присутствие в контексте номинации *пodelьник* провоцирует формального адресата к мысли, что коллег Л. Невзлина осудили заслуженно. *Собственно оценочное мнение* можно проиллюстрировать отрывком из устной речи Б.Е. Немцова: *«Дело в том, что Владимир Вольфович – человек, безусловно, умный, но с очень большими клиническими особенностями»*. В этом случае выявление и определение четких критериев разграничения описательных и оценочных высказываний с признаками «языка вражды» в СМИ может способствовать проведению максимально объективного лингвистического анализа данного явления и эффективной юридической защите от него.

Этические основы функционирования «языка вражды» в СМИ касаются в основном спора о необходимости действующих законов, ограничивающих свободу слова, а также обсуждения актуальности введения этических кодексов (*speech codes*). Несмотря на несформированность в России традиции анализировать собственные высказывания с позиции морали, различные общественные организации, печатные издания, высшие учебные заведения стремятся привлечь внимание к «языку вражды» как разновидности прямого проявления интолерантности в речи (варианта интолерантности, направленной на человека или группу людей и

причиняющей им страдания) и предлагают способы борьбы с данным явлением.

Социально-политические, психолого-культурологические, коммуникативные, правовые и этические основы функционирования «языка вражды» в СМИ представляют собой экстралингвистическую базу, состоящую из непостоянных, изменяющихся со временем компонентов, влияющих на лингвистическую составляющую исследуемого феномена и требующих обязательного их учета при анализе данного явления.

Во второй главе – «**Лингвистические факторы функционирования «языка вражды» в современных российских СМИ**» – природа «языка вражды» рассматривается с точки зрения парадигмального подхода к его интерпретации (во взаимообусловленности прагмалингвистического, когнитивнолингвистического, структурно-семантического и стилистического аспектов его анализа).

Анализ прагмалингвистических основ функционирования «языка вражды» в СМИ позволил выявить, что исследуемое явление реализуется в восьми речевых жанрах (призыв, порицание, сравнение, намек, ирония, грубое требование, оскорбление и сарказм), в трех самостоятельных («сообщение», «вопрос», «императив») и одном несамостоятельном («обращение») речевых актах, негативная информация в которых может быть представлена как в открытой (*X – еврюга*, где номинация *еврюга* образована правым усечением слова с последующей суффиксацией: *еврюга*<*еврей*+ -*уг*(а)), так и в завуалированных формах (скрытой: «*Еврейские корни X определяют его действия*», где информация о национальном происхождении дается без единиц прямой номинации в группе подлежащего; затекстовой: «*Алло, моя фамилия - Рабинович! Вам нужны такие специалисты?*», где важны объемы фоновых знаний формального и реального адресатов; подтекстовой: «*“Русскую идею” передали в управление Грефу, который вместе со Швидким и Львом Троцким заставят-таки играть в русских церквях музыку Гершвина*», где выделяется подтекстный смысл, который

можно вербально представить как ‘евреи захватили власть в России и хотят уничтожить её культуру’). При этом шесть речевых жанров (призыв, порицание, сравнение, намек, ирония и грубое требование) создаются исключительно в целях речевой манипуляции (РМ), предполагающей намеренное продуцирование «языка вражды», а остальные два (оскорбление и сарказм) могут создаваться как в целях РМ, так и представлять собой продукт речевой агрессии (РА), имеющей отношение к неинтенциональному функционированию исследуемого явления. Реализацию речевого жанра иронии, созданного в целях РМ, можно продемонстрировать на примере следующего контекста: [о самарском дирижере М.А. Щербакове] *«...личность в партядах достаточно заметная, потому что колоритная. Еще бы, шапка черных кудрявых волос, повышенная энергетика!»*. Автор «языка вражды» намеренно обращает внимание на внешность политика в целях создания намёка на его несоответствие занимаемой должности. Иллюстрацией РА адресанта «языка вражды» в рамках речевого жанра оскорбления может служить следующий контекст: *«По грязным полам ходили работники бомжсеватого вида»*. Использование выражения *работники бомжсеватого вида* можно объяснить невниманием автора к собственной речи. Речевые акты и речевые жанры, реализующие «язык вражды», могут быть представлены также синкретичными образованиями (например, ирония+сарказм, сравнение+намек и т.д.).

Дифференциация речевых актов требует их соотнесения с проблемой разграничения высказываний на утверждение о факте и мнение. Так, среди трех самостоятельных речевых актов только «вопрос» может однозначно считаться выражением мнения. Использование адресантом «языка вражды» в СМИ неперформативного высказывания в косвенном речевом акте «сообщение» для презентации утверждения о факте в качестве мнения свидетельствует о наличии РМ (например, в контексте *«Тархов не оправдал надежд самарцев?»*), где автор намеренно ставит в конце предложения знак

вопроса для маскировки косвенного речевого акта «сообщение» под «вопрос»).

Говоря о синкретичности речевых жанров «языка вражды», следует отметить возможность сочетания в них одновременно открытой и/или завуалированной форм. Дихотомия форм, составляющих синкретичное жанровое образование, позволяет определить жанровую природу высказывания. Так, сравнение, грубое требование и сарказм, характерные для выражений в открытой форме, противостоят намеку и иронии, типичным для завуалированных высказываний, что подразумевает возможность обнаружения доминирующего признака в рассматриваемом синкретичном речевом жанре.

Анализ когнитивных моделей участников коммуникации с использованием «языка вражды» в СМИ (адресанта, формального и реального адресатов) диктует необходимость говорить о важности реакции реального адресата на информацию о нем, о специфике обработки информации формальным адресатом и возможности допущения им при восприятии «языка вражды» шести видов когнитивных ошибок («Произвольный вывод», «Избирательная абстракция», «Сверхгенерализация», «Преувеличение/преуменьшение», «Персонализация», «Абсолютистское дихотомическое мышление»). Исследование в данном аспекте лингвистических маркеров, приемов и тактик РМ в конкретных контекстах СМИ показывает различную силу их воздействия на адресата в высказываниях с исследуемым феноменом и выявляет специфику создания ими когнитивных ошибок, служащих препятствием для разграничения формальным адресатом утверждения о факте и мнения.

Иллюстрацией когнитивной ошибки «Произвольный вывод» с использованием приема РМ «Плюрализация действий», предполагающего присутствие маркеров *обычно, как правило, привычно, предпочитают* и т.п., выражающих такое качество действия, как перманентность, может служить

следующий контекст: [о бизнесмене Б.Н. Кузыке] *«по старой аппаратной привычке он не привык подставляться лично и предпочитает делать темные дела чужими руками»*. Адресант не только информирует формального адресата о том, что бизнесмен Б.Н. Кузык *делает темные дела чужими руками* и делает такие дела, в которых присутствует риск *подставиться*, но и использует глаголы *привык* и *предпочитает* в целях создания речевого жанра намека для провокации формального адресата на определенную интерпретацию событий (данную интерпретацию можно словесно выразить следующим образом: ‘хорошая репутация Б.Н. Кузыка объясняется тем, что он с давних пор постоянно делает темные дела не своими, а чужими руками’).

Обращают на себя внимание случаи, когда какие-либо лингвистические признаки «языка вражды», свидетельствующие о РА, приобретают статус РМ в силу экстралингвистических факторов. Так, например, в материале, посвященном телеведущей К.А. Собчак, на сайте «Экспресс газета» автор сообщает о цели его написания: *«Собчак утверждает, что из-за [предыдущей] публикации в «Экспресс газете» она «предстает в глазах читателей и пользователей сети Интернет как лицо, нарушающее моральные устои, общественный порядок, ...нецензурно (неэтично) выражающееся.., а также ведущее антиобщественный образ жизни»*. *Такую наглость нельзя оставлять без ответа*». Другие контексты с признаками «языка вражды», последовавшие за фразой *Такую наглость нельзя оставлять без ответа*, а также нежелание автора прекратить словесные нападки (приведенный отрывок является текстом-ответом на попытку телеведущей защититься от «языка вражды» в предыдущей публикации этого же издания), заставляют формального адресата думать о намерении автора взять реванш в этой ситуации и о его стремлении негативно выразиться. Данные обстоятельства позволяют в рамках рассматриваемого материала наделить статусом РМ все контексты с «языком вражды», которые последовали после приведенной фразы.

Анализ «языка вражды» в структурно-семантическом аспекте показал, что литературные выражения в открытой форме, квалифицируемые как единицы «языка вражды», выявляются на лексемном («*Наш новый губернатор, образно говоря, пока еще имплантант*») и синтаксемном уровнях («*Как украинцы воруют российский газ*»).

Нелитературные выражения в открытой форме, также квалифицируемые как единицы «языка вражды», представлены явлениями самых нижних уровней: фонемного (*юзбек* ‘узбек’ – подражание узбекской огласовке), морфемного (аффиксация: *прожидь*; деаффиксация: *азерб*, *зерба*, *зербод*, <«азербайджанец»; аббревиация: *БАБ* (Березовский А.Б.); основосложение: *узкоглазый* ‘представитель монголоидной расы’; словосложение: *абстулзадомбей* ‘турок’; слогосложение: *негрила* ‘африканец’ (контаминация слова «негр» и названия породы обезьян «горилла») и лексемного (переход имен собственных в нарицательные: *Магомешка* (‘мусульманин’), *Павлик Морозов* (‘предатель’); переход имен нарицательных в нарицательные: *мышь*, *моль* (‘«неяркая» женщина’), *чебурек*, *шашлык*, *чурка*, *чучмек* (‘представитель коренного этноса Средней Азии или Кавказа’). Говоря о функционировании нелитературных выражений в открытой форме на синтаксемном уровне, следует отметить возможность использования адресантом, наряду с нелитературными, литературных слов.

Завуалированные формы «языка вражды» в СМИ (скрытая, затекстовая и подтекстовая) позволяют адресанту продуцировать высказывания с помощью единиц более высоких уровней, что предполагает, как правило, использование только литературных слов. Иллюстрацией затекстовой формы «языка вражды» могут послужить вопросы из кроссворда: «*Депутат Госдумы от нашей области, который никогда не бывает “сухим”*», «*Чиновник, который должен сидеть в тюрьме*».

Использование нелитературных и литературных выражений при продуцировании «языка вражды» объясняется актуальными для адресанта

экстралингвистическими факторами. Например, желанием выразиться коротко, используя нелитературное слово (бранное, просторечное, обценное) или же стремлением завуалировать негативный смысл фразы большим по объему высказыванием, созданным с помощью литературных слов. При этом использование адресантом литературных слов и выражений при создании как открытой, так и завуалированных форм, затрудняет их маркирование как единиц «языка вражды» и требует дополнительного стилистического исследования.

Анализ лингвостилистических факторов функционирования «языка вражды» показал, что тексты с признаками исследуемого явления в современных российских СМИ создаются, как правило, в рамках публицистического стиля в его письменной и устной разновидностях (в журнальной, радио-, теле- и Интернет-публицистике, газетно-публицистическом, политико-агитационном подстилях) как в виде рифмованных, так и нерифмованных высказываний. При этом письменный текст с «языком вражды» в СМИ провоцирует адресанта к выбору многокомпонентных синтаксических конструкций и многосложных слов, образованных сложными морфологическими способами, а устный текст – к выбору простых предложений и немногосложных слов.

Для стилистики исследуемого явления характерно типичное для текстов публицистического стиля сочетание стандартных и экспрессивных единиц. При этом создание единиц стандарта связано с идиостилем адресанта «языка вражды», а создание единиц экспрессии – с его идиостилем и идиолектом. В качестве экспрессивных средств «языка вражды» могут выступать жаргонизмы, арготизмы, просторечные и обценные слова, термины, редкие слова, экзотизмы, варваризмы, историзмы, архаизмы, неологизмы, окказионализмы, а также местоимения различных разрядов и др., в то время как под понятие стандартных средств попадают лишь «политически некорректные выражения» (например, «*Партия для них* [для членов КПРФ] – удачно найденный брэнд, который позволяет нормально

кормиться»). В данном контексте в качестве экспрессивного средства «языка вражды» выступает термин-неологизм из сферы маркетинга *бренд (брэнд)*, который приобретает негативную коннотацию, так как является именной частью предиката, участвующего в создании речевого жанра порицания. Данную коннотацию усиливает глагол *кормиться* («содержать себя»), приобретший в современном употреблении устойчивый негативный смысл. Иллюстрацией стандартных средств «языка вражды» в СМИ могут служить известные устойчивые выражения, которые в настоящее время маркируются как «политически некорректные»: *лицо кавказской национальности, бомж*.

Генезис форм «языка вражды» в СМИ в период с 1990-х гг. по настоящее время связан с тенденцией к предпочтению завуалированных форм исследуемого явления, что не означает полного исчезновения открытой формы. При этом характер нестандартных единиц «языка вражды» позволяет утверждать, что наибольшим экспрессивным потенциалом обладает открытая форма исследуемого явления. Однако данные феномены, а также стилистические фигуры не являются специфическими маркерами «языка вражды» в СМИ. Сила экспрессивности негативных высказываний зависит от экстралингвистических факторов, предопределяющих характер продукции СМИ и выбор объекта дискриминации, которые влияют на степень вуализации «языка вражды» адресантом. Например, «*Де Вито: маленький, лысый, толстый – какую бабу рядом ни поставь, все равно он ей в пупок дышит*». Можно предположить, что автор употребляет просторечные выражения *баба* («женщина») и *в пупок дышит* (*в пупок дышать* – «быть маленького роста по сравнению с кем-либо»), так как уверен в своей безнаказанности (факт обнародования текста в российской газете не гарантирует его прочтения представителем шоу-бизнеса США, проживающим в другой стране).

Экспрессивные единицы, являющиеся потенциальными маркерами исследуемого явления, могут иметь специальные пометы в словарях (*презр.* (презрительное), *неодобр.* (неодобрительное), *пренебр.* (пренебрежительное),

бран. (бранное), *груб.* (грубое), *неприл.* (неприличное), *неценз.* (нецензурное), *руг.* (ругательное), *табу* (табуированное) и др.), однако отсутствие пометы не всегда свидетельствует об отсутствии негативного экспрессивного потенциала у слова в контексте СМИ.

Анализ лингвостилистических факторов функционирования «языка вражды» в СМИ позволяет также говорить о возможности создания оскорбительной формы и/или формы, содержащей дискриминационные признаки, с помощью высказываний, негативная коннотация которых объясняется их стилистической природой, а также с помощью «политически некорректных выражений», негативные свойства которых связаны с экстралингвистическими факторами. Например, «политически некорректные» номинации *лицо кавказской национальности* и *бомж* представляют собой неудачные термины-канцеляризмы в речи работников правоохранительных органов, которые, как правило, не используются для нейтральной или положительной характеристики личности.

Таким образом, исследование показало, что объективный анализ «языка вражды» в СМИ требует полипарадигмального подхода с учетом прагмалингвистических, лингвокогнитивных, структурно-семантических и лингвостилистических факторов в их экстралингвистической обусловленности, что подтверждает гипотезу.

В заключении обобщаются результаты исследования и намечаются пути дальнейшего изучения «языка вражды» в рамках языковедческих и других наук.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Евстафьева А.В. Лингвистические приметы агитационного текста // Материалы Международной научной конференции «Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики» (21-24 апреля 2004 г.). Актуальные проблемы экологии и охраны окружающей среды. Ч.2. Профессиональная этика журналиста. Тольятти, 2004. С. 192-196.

2. Евстафьева А.В. Лингвистические основы инвективности // Материалы региональной конференции студентов и аспирантов. Сборник статей по результатам работы региональной научно-технической конференции «Научные чтения студентов и аспирантов». Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2005. С. 297-299.

3. Евстафьева А.В. Экстралингвистические признаки словесного экстремизма в текстах СМИ // Материалы международной конференции (17-19 марта 2006 г.) «Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры» (лингвистический и лингвометодический аспекты). М., 2006. С. 711-716.

4. Евстафьева А.В. Об одном из речевых способов скрытой диффамации // Материалы второй международной конференции «Текст: теория и методика в контексте вузовского образования» (1-3 ноября 2006 г.). Тольятти, 2006. С. 269-271.

5. Евстафьева А.В. Семантические приращения онимов как одна из форм “языка вражды” // Материалы X юбилейной Международной конференции Ахановские чтения под эгидой Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) «Язык и толерантность» (17-18 мая 2007 г.). Алматы, 2007. Т.2. С. 40-46.

6. Евстафьева А.В. Эвфемизмы в “языке вражды” в СМИ: прагматический аспект // Прагмалингвистика и практика речевого общения: сборник научных трудов международной научной конференции (24 ноября 2007 г.). Ростов н/Д, 2007. С. 112-116.

7. Евстафьева А.В. Номинации лица как средство “языка вражды” в российских СМИ // Известия научен център «Свети Дазий Доростолски». – Кн. II. Болгария, 2007. С. 289-295.

8. Евстафьева А.В. Выявление “языка вражды” в отношении бездомных по результатам мониторинга местных СМИ // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Сер. «Филология». Вып 7. Тольятти, 2007. С. 143-149.

9. Евстафьева А.В. О некоторых экстралингвистических факторах “языка вражды” в СМИ // *Материалы Международной научной конференции «Русский язык и литература в Украине: проблемы изучения и преподавания»* (21-23 мая 2009 г.). Горловка, 2009. С. 62-65.

10. Евстафьева А.В. Адресант и адресат “языка вражды” в текстах средств массовой информации» // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2008. №1. С. 125-134.

11. Евстафьева А.В. О некоторых лингвистических маркерах “языка вражды” в манипулятивных приемах в средствах массовой информации // *Вестник Башкирского университета*. 2008. Т. 13. №4. С. 994-996.

12. Евстафьева А.В. Экспрессивные онимы русского языка как средство выражения ксенофобии // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2008. Спец. вып. «Технологии управления организацией. Качество продукции и услуг». Вып. 6. С. 114-121.